

Для чего люди одурманиваются?

Лев Толстой

Что такое употребление одурманивающих веществ – водки, вина, пива, табака и других менее известных? Отчего оно началось и распространилось между всякого рода людьми, дикими и цивилизованными одинаково? Что значит то, что везде, где только не водка, вино, пиво, там опиум, гашиш или другие, и табак везде? Зачем людям нужно одурманиваться?

Спросите у человека, зачем он начал пить вино и пьет. Он ответит вам: “так, приятно, все пьют”, да еще прибавит: “для веселья”. Спросите у курильщика, зачем он начал курить табак и курит теперь, и он ответит то же: “так, от скуки, все курят”. Так же, вероятно, ответят и потребители опиума, гашиша, морфина, мухомора.

“Так, от скуки, для веселья, все это делают”. Но ведь это хорошо так, от скуки, для веселья, оттого, что все это делают, вертеть пальцами, свистеть, петь песни, играть на дудке и т.п., то есть делать что-нибудь такое, для чего не нужно ни губить природных богатств, ни затрачивать больших рабочих сил, делать то, что не приносит очевидного вреда ни себе, ни другим. Но ведь для производства табака, вина, гашиша, опиума часто занимаются миллионы и миллионы лучших земель. И миллионы рабочих заняты целые жизни производством этих одурманивающих веществ. Кроме того, употребление этих веществ производит страшные, всем известные и всеми признаваемые бедствия, от которых гибнет больше людей, чем от всех войн и заразных болезней вместе. И люди знают это. Так что не может быть, чтобы это делалось так, от скуки, для веселья, оттого только, что все это делают.

Тут должно быть что-то другое. Повсюду встречаешь людей, любящих своих детей, готовых принести всякого рода жертвы для их блага и вместе с тем пропивающих на водке, вине, пиве или прокуривающих на опиуме, гашише и даже на табаке то, что или совсем прокормило бы бедствующих и голодающих детей, или, по крайней мере, избавило бы их от лишений. Очевидно, если человек, поставленный в условия выбора между благополучием своей семьи и употреблением одурманивающих веществ, все-таки выбирает последнее, то побуждает его к этому что-то более важное, чем то, что все это делают и что это приятно. Очевидно, что делается это не так, от скуки, для веселья, а что есть тут какая-то более важная причина.

Причина эта, насколько я умел понять ее из чтения об этом предмете, из наблюдений над другими людьми и в особенности над самим собой, когда я пил вино и курил табак, – причина эта следующая. В период сознательной жизни человек может заметить в себе два отдельных существа: одно – слепое, чувственное, и другое – зрячее, духовное. Слепое животное существо ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется как заведенная машина. Зрячее духовное существо само ничего не делает, но оценивает деятельность животного существа тем, что сливается с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее духовное существо, в просторечии называемое совестью, подобно компасу, одним концом показывает на добро, другим – на зло и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, то есть от зла к добру. Но стоит только совершить поступок, противный направлению совести, как сразу появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, одобряемого совестью. Всякий человек, почувствовав раздвоение своей совести с животной деятельностью, не может продолжать эту деятельность до тех пор, пока не приведет ее в согласие с совестью, или не скроет от себя указаний совести на неправильность животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоит только из этих двух родов деятельности: 1) приведение своей жизни в согласие с совестью и 2) скрывания от себя указаний своей совести для возможности продолжения жизни. Одни делают первое, другие – второе. Для достижения первого

– приведение поступков в согласие со своей совестью – есть только один способ: нравственное просвещение – увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает; для второго – для скрытия от себя указаний совести – есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести.

Указания своей совести человек может скрыть от себя внешним отвлечением внимания всякого рода занятиями, заботами, забавами, играми, но может и внутренним засорением самого органа внимания. Для людей с ограниченным нравственным чувством часто вполне достаточно внешних отвлечений для того, чтобы не замечать указаний совести о неправильности их жизни. Но для людей нравственно чутких средств этих не всегда достаточно. Внешние способы не вполне отвлекают внимание от сознания разлада жизни с требованиями совести. Сознание это мешает жить, и люди, чтобы иметь возможность жить, прибегают к несомненному внутреннему способу затемнения самой совести, состоящему в отравлении мозга одурманивающими веществами.

Жизнь не такова, какая она должна быть по требованиям совести. Повернуть жизнь сообразно этим требованиям нет сил. Развлечения, которые бы отвлекали внимание от сознания этого разлада, недостаточны или они приелись, и вот для того чтобы быть в состоянии продолжать жить, несмотря на указания совести о неправильности жизни, люди отравляют тот орган, через который проявляются указания совести.

Не во вкусе, не в удовольствии, не в развлечении, не в веселии лежит причина всемирного распространения гашиша, опиума, вина, табака, а только в потребности скрыть от себя указания совести. Известно, что трезвому совестно то, что не совестно пьяному. Люди прибегают к одурманивающим веществам или для того, чтобы не было совестно после того, как сделан поступок, противный совести, или для того, чтобы вперед привести себя в состояние, в котором можно совершить поступок, противный совести, к которому влечет человека его животная природа.

Трезвому совестно ехать к непотребным женщинам, совестно украсть, совестно убить. Пьяному ничего этого не совестно, и потому, если человек хочет сделать поступок, который совесть воспрещает ему, он одурманивается. Девять десятых преступлений совершается именно так: “для смелости выпить!” Половина падений женщин происходит под влиянием вина. Почти все посещения непотребных домов совершаются в пьяном виде. Люди знают свойство вина заглушать голос совести и сознательно употребляют его для этой цели. Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совесть, они, зная, как действует вино и желая заставить других людей сделать поступок, противный их совести, нарочно одурманивают их, организуют такое одурманивание людей, чтобы лишить их совести. На войне солдат напивают пьяными всегда, когда приходится им драться в рукопашную. Французские солдаты на севастопольских штурмах всегда были напоены пьяными. После взятия Геог-Тепе, когда солдаты не шли грабить и убивать беззащитных стариков и детей, Скобелев велел напоить их пьяными. Тогда они пошли.

Всем известны люди, спившиеся с круга вследствие преступлений, мучивших их совесть. Все могут заметить, что безнравственно живущие люди более других склонны к одурманивающим веществам. Разбойничьи, воровские шайки, проститутки – не живут без вина.

Все знают и признают, что употребление одурманивающих веществ бывает последствием укоров совести, что при известных безнравственных профессиях одурманивающие вещества употребляются для заглушения совести, что человек пьяный способен на поступки, о которых он, трезвый, не решился бы и подумать. Все с этим согласны, но – странное дело! – когда следствием употребления одурманивающих веществ не являются такие поступки, как воровство, убийство, насилие и т.п.; когда одурманивающие вещества принимаются не вслед за какими-нибудь страшными преступлениями, а людьми, профессии которых не считаются нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу в большом количестве, но постоянно и в умеренном количестве, то почему-то предполагается, что одурманивающие вещества уже не действуют на совесть, заглушая ее.

Предполагается, что если после такого обычного одурманивания не совершено преступления, воровства, убийства, а только глупые и дурные поступки, то эти поступки произошли сами собой, а не вызваны одурманиванием. Предполагается, что если этими людьми не совершено уголовное преступление, то им и нет причин заглушать свою совесть, и что та жизнь, которую ведут люди, предающиеся постоянному одурманиванию себя, есть жизнь вполне хорошая и была бы точно такую же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное употребление одурманивающих веществ в умеренных дозах нисколько не затемняет их совести.

Несмотря на то, что каждый по опыту знает, что от употребления вина и табака настроение меняется и перестает быть совестно то, что без возбуждения было совестно; что после каждого, хотя бы и мелкого, укора совести так и тянет к какому-нибудь дурману, и что под влиянием одурманивающих веществ трудно обдумать свою жизнь и свое положение, и что постоянное и равномерное употребление одурманивающих веществ производит то же физиологическое действие, как и одновременное неумеренное, – людям, умеренно пьющим и курящим, кажется, что они употребляют одурманивающие вещества совсем не для заглушения своей совести, а только для вкуса и удовольствия.

Но стоит только серьезно и беспристрастно, не выгораживая себя, подумать об этом, чтобы понять, что, во-первых, если употребление одурманивающих веществ сразу в больших размерах заглушает совесть человека, то постоянное употребление этих веществ должно производить то же действие, так как они действуют физиологически всегда одинаково, сначала возбуждая и потом притупляя деятельность мозга, будут ли они приняты в больших или малых дозах; во-вторых, что, если одурманивающие вещества имеют свойство заглушать совесть, то они имеют его всегда – и тогда, когда под влиянием их совершается убийство, воровство, насилие и тогда, когда под влиянием их говорится слово, которое не сказалось бы, думается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы без них; и в-третьих, что если потребление одурманивающих веществ нужно для того, чтобы заглушить их совесть вора, разбойника, проституткам, то оно точно также нужно людям, занимающимся профессиями, осуждаемыми их совестью, хотя бы профессии эти признавались законными и почетными другими людьми.

Одним словом, нельзя не понять того, что употребление одурманивающих веществ в больших или малых размерах, периодически или постоянно, в высшем или низшем кругу вызывается одною и тою же причиной – потребностью заглушения голоса совести для того, чтобы не видеть разлада жизни с требованиями нашего сознания.

В этом одном причина распространения всех одурманивающих веществ, в том числе и табака, едва ли не самого распространенного и самого вредного. Предполагается, что табак веселит, уясняет мысли, привлекает к себе только как всякая привычка, ни в каком случае не производит того действия заглушения совести, которое признается за вином. Но стоит только внимательнее взглянуть в условия, при которых проявляется особенная потребность в курении, для того чтобы убедиться, что одурманивание табаком, точно так же как и вином, действует на совесть, и что люди сознательно прибегают к такому одурманиванию именно тогда, когда оно нужно им для этой цели.

Если бы табак только уяснял мысли и веселил, то не было бы этой страстной потребности в нем, и не говорили бы люди, что они готовы пробыть скорее без хлеба, чем без табака и, действительно, они часто предпочитают курение пище. Потребность в одурманивании себя табаком в затруднительные минуты может заметить в себе всякий курящий. Вспоминаю за время своего курения, когда я чувствовал особенную потребность в табаке. Всегда это было в такие минуты, когда мне хотелось не помнить то, что я помнил – хотелось забыть, не думать. Сижу, ничего не делаю, знаю, что мне надо начать работу, и не хочется, – я закуриваю и продолжаю сидеть. Я раздражен и говорю человеку неприятное и знаю, что делаю дурно, и вижу, что надо перестать, но мне хочется дать ход своему раздражению, – я курю и продолжаю говорить неприятное другому. Я поставил себя в неловкое положение, я дурно поступил, ошибся, и мне надо сознать свое положение, чтобы выйти из него, но не хочется сознаться, – я обвиняю других и

курю. Я пишу и не совсем доволен тем, что пишу. Надо бросить, но хочется дописать то, что задумал, – я курю. Я спорю и вижу, что мы с противником не понимаем и не можем понять друг друга, но хочется высказать свои мысли, – я продолжаю говорить и курю.

Особенность табака, в отличие от других одурманивающих веществ, кроме легкости одурманивания себя им и его кажущейся безвредности, заключается еще и в его, так сказать, портативности, возможности прилагать его к отдельным случаям. Хочешь сделать то, чего не следует, – выкуриваешь папироску, одурманиваешься настолько, насколько нужно, чтобы сделать то, что не надо было, и опять свеж и можешь ясно мыслить и говорить. Или чувствуешь, что сделал то, что не следовало, – опять папироска, и неприятное сознание дурного или неловкого поступка уничтожено, и можешь заняться другим и забыть. Кроме того, употребление вина, опиума требует некоторых приспособлений, которые не всегда можно иметь под рукой, табак же и бумагу, папиросы всегда можно иметь при себе. Алкоголик, наркоман возбуждают у нас неприязнь, даже ужас, в то время как человек, курящий табак, не представляет ничего отталкивающего. Дурман вина, опиума, гашиша распространяется на все впечатления и действия, получаемые и производимые в довольно продолжительный период времени, дурман же табака может быть направлен на каждый отдельный случай.

Всякий курящий прибегает к курению, не как к удовлетворению привычки и препровождению времени, а как к средству заглушения совести для поступков, которые могут быть сделаны или уже сделаны. Но разве не очевидна строго определенная зависимость между образом жизни людей и их пристрастием к курению? Когда начинают курить мальчишки? – Почти всегда тогда же, когда они теряют детскую невинность. Отчего люди курящие могут переставать курить, как скоро становятся в более нравственные условия жизни, и опять начинают курить, как только попадают в развращенную среду? Почему игроки почти все курят? Почему из женщин меньше курят те, которые ведут правильный образ жизни? Почему проститутки все курят? Привычка привычкой, но очевидно, что курение находится в определенной зависимости от потребности заглушения совести и что она достигает этой своей цели.

Наблюдение того, до какой степени курение заглушает голос совести, можно сделать почти над всяким курильщиком. Каждый из них, предаваясь своей страсти, забывает или пренебрегает самыми первыми правилами общежития, которых он требует от других и которые он соблюдает во всех других случаях до тех пор, пока совесть его не заглушена табаком. Всякий воспитанный человек признает непозволительным, негуманным для своего удовольствия нарушать спокойствие и удобство, а тем более здоровье других людей. Никто не позволит себе в комнате, где сидят люди, шуметь, кричать, напустить холодного, жаркого или вонючего воздуха, совершать поступки, мешающие и вредящие другим. Но из тысячи курильщиков ни один не постесняется тем, чтобы напустить нездорового дыма в комнате, где находятся некурящие женщины и дети. Если закуривающие и спрашивают обыкновенно у присутствующих: “Вам не неприятно?”, то все знают, что принято отвечать: “Сделайте одолжение” (несмотря на то, что некурящему неприятно дышать зараженным воздухом, и находить вонючие окурки в стаканах, чашках, тарелках, на подсвечниках, или даже в пепельницах). Но, если бы даже некурящие взрослые и переносили табак, то детям-то, у которых никто не спрашивает, никак не может быть это приятно и полезно. А между тем люди честные, гуманные во всех других отношениях курят при детях, за обедом, в маленьких комнатах, заражая воздух табачным дымом, не чувствуя при этом ни малейшего укора совести.

Обыкновенно говорят, и я говорил, что курение содействует умственной работе. И несомненно, что это так, если смотреть на количество умственной работы. Человеку, курящему и потому перестающему строго оценивать и взвешивать свои мысли, кажется, что у него вдруг появилось очень много мыслей. Но это совсем не то, что у него появилось много мыслей, а только то, что он потерял контроль над своими мыслями.

Когда человек работает, он всегда сознаёт в себе два существа: одного – работающего, другого – оценивающего работу. Чем строже оценка, тем медленнее и лучше идет работа, и наоборот. Если

же оценивающий будет находиться под влиянием дурмана, то работы будет больше, но качество её будет ниже.

“Если я не курю, я не могу писать. Мне не пишется, я начинаю и не могу продолжать”, говорят обыкновенно, говорил и я. Что же это значит? А то, что тебе или нечего писать, или то, что ты сейчас хочешь уже написать, ещё не созрело в твоём сознании, а только смутно начинает представляться тебе, и оценивающий живущий в тебе критик, не одурманенный табаком, говорит тебе это. Если бы ты не курил, ты оставил бы начатое и подождал времени, когда то, о чём ты думаешь, уяснилось бы тебе, обдумал бы представляющиеся тебе возражения и напряг бы всё своё внимание на уяснение себе своей мысли. Но ты закуливаешь, судящий в тебе критик одурманивается, и задержка в твоей работе устраняется: то, что тебе трезвому от табака казалось ничтожным, представляется опять значительным; то, что казалось неясным, уже не представляется таким; представлявшиеся тебе возражения скрываются, и ты продолжаешь писать, и пишешь много и быстро.

“Но неужели такое малое, крошечное изменение, как легкий хмель, производимый умеренным употреблением вина и табака, может производить какие-либо значительные последствия? Понятно, если человек накуривается опиума, гашиша, напивается вина так, что падает и теряет рассудок, то последствия такого одурманивания могут быть очень значительны. Но то, что человек находится под самым легким действием хмеля или табака, не может иметь никаких важных последствий”, говорят обыкновенно. Людям кажется, что маленький дурман, маленькое затмение сознания не может производить заметного влияния. Но думать так – все равно, что думать то, что часам может быть вредно, если их ударить о камень, но если положить песчинку в середину их механизма, то это не может повредить им. Ведь главная работа всей жизни людской происходит не в движениях рук и ног человеческих, а в движении сознания. Для того, чтобы человек совершил что-нибудь руками и ногами, нужно, чтобы совершилось изменение в его сознании. И это изменение определяет все последующие действия человека. Изменения же эти всегда бывают крошечные, почти незаметные.

Известное выражение Брюллова: “Искусство только там и начинается, где начинается чуть-чуть”, поразительно верно и не по отношению к одному искусству, но и ко всей жизни. Можно сказать, что истинная жизнь начинается там, где начинается чуть-чуть, там, где происходят бесконечно малые изменения. Истинная жизнь происходит не там, где совершаются большие внешние изменения, где передвигаются, сталкиваются, дерутся, убивают друг друга люди, а она происходит только там, где совершаются чуть-чутьочные изменения, то есть в нашем сознании. И вот тогда-то бывает особенно важна для правильного решения возникающего вопроса наибольшая ясность мысли, и вот тогда-то один стакан пива, одна выкуренная папироска могут помешать решению вопроса, отдалить это решение, могут заглушить голос совести, содействовать решению вопроса в пользу низшей животной природы.

Изменения чуть-чутьочные, а от них-то самые громадные, ужасные последствия. От того, что сделается, когда человек решился и начал действовать, может измениться много материального, могут погибнуть дома, богатства, тела людей, но ничего не может сделаться больше того, что залегло в сознание человека. Пределы того, что может произойти, даны нашим сознанием. Но от чуть-чутьочных изменений, которые совершаются в области сознания, могут произойти самые невообразимые по своей значительности последствия, для которых нет пределов. Поэтому надо быть особенно внимательным к тому состоянию, в котором проявляются эти бесконечно малые изменения, как надо быть особенно внимательным к состоянию весов, посредством которых мы взвешиваем предметы. Надо, насколько это от нас зависит, стараться поставить себя и других в такие условия, при которых не нарушалась бы ясность и тонкость мысли, необходимые для правильной работы сознания, а не поступать обратно, стараясь затруднить и запутать эту работу сознания потреблением одурманивающих веществ. Сомневаться в этом невозможно, и все люди знают это. Но является потребность обманывать себя. Людям не столько хочется, чтобы сознание работало правильно, сколько того, чтобы им казалось, что правильно то, что они делают, и потому они употребляют такие вещества, которые затемняют сознание, нарушая его правильную работу.

Пьют и курят не так, не от скуки, не для веселья, не потому, что приятно, а для того, чтобы заглушить в себе совесть. И если это так, то как ужасны должны быть последствия! В самом деле, подумать только, какова была бы та постройка, которую бы строили люди не с прямым правилом, по которому они выравняли бы стены, не с прямоугольным угольником, которым они определяли бы углы, а с мягким правилом, которое сгибалось бы по всем неровностям стены, и с угольником, складывающимся и приходящимся к каждому – и острому и тупому – углу.

А ведь, благодаря одурманиванию себя, это самое и делается в жизни. Жизнь не приходится по совести, – совесть сгибается по жизни. Это делается в жизни отдельных лиц, это же делается и в жизни всего человечества, слагающейся из жизни отдельных лиц.

Для того чтобы понять всё значение такого одурманивания своего сознания, пускай всякий человек вспомнит хорошенько своё душевное состояние в каждый период своей жизни. Каждый человек найдёт, что в любой период своей жизни перед ним стояли известные нравственные вопросы, которые ему надо было разрешить и от разрешения которых зависело всё благо его жизни. Для разрешения этих вопросов нужно большое напряжение внимания. Это напряжение внимания составляет труд. В каждом труде, особенно в начале его, есть период, когда труд представляется тяжёлым, мучительным, и слабость человеческая подсказывает желание оставить его. Физический труд представляется мучительным в начале его; ещё более мучительным представляется труд умственный. Как говорит Лессинг, люди имеют свойство переставать думать тогда, когда думанье начинает представлять трудности, именно тогда, прибавлю я, когда думанье начинает быть плодотворным. Человек чувствует, что решение предстоящих перед ним вопросов требует напряженного, часто мучительного труда и ему хочется отвильнуть от этого труда. Если бы у него не было внутренних средств одурманивания, он не мог бы изгнать из своего сознания стоящих перед ним вопросов и волей-неволей был бы приведен к необходимости решать их. Но вот человек узнаёт средство отгонять эти вопросы всегда, когда они представляются, и употребляет его. Как только предстоящие вопросы начинают мучить его, человек прибегает к этим средствам и спасается от беспокойства, вызываемого тревожащими вопросами. Сознание перестаёт требовать разрешения их, и неразрешённые вопросы остаются неразрешёнными до следующего просветления. Но при следующем просветлении повторяется то же, и человек месяцами, годами, иногда всю жизнь продолжает стоять перед теми же нравственными вопросами, ни на шаг не подвигаясь в разрешении их. А между тем в разрешении нравственных вопросов и стоит всё движение жизни.

Совершается нечто подобное тому, что бы делал человек, которому через взмученную воду надо увидеть дно, для того чтобы достать драгоценную жемчужину, и который бы, не желая войти в воду, сознательно взбалтывал ее, как скоро она начинала бы отстаиваться и быть прозрачной. Часто всю жизнь стоит человек одурманивающийся неподвижно на том же, раз усвоенном, неясном, противоречивом мирозерцании, упираясь при всяком наступающем периоде просветления всё в ту же стену, в которую он упирался 10-20 лет тому назад и которую нечем пробить, потому что он сознательно притупляет остриё мысли, которое одно могло бы пробить её.

Пускай всякий вспомнит себя за тот период, во время которого он пьёт и курит, и пускай проверит то же самое на других, и всякий увидит одну постоянную черту, отличающую людей, предающихся одурманиванию, от людей, свободных от него: чем больше одурманивается человек, тем более он нравственно неподвижен.

Ужасны для отдельных лиц, как описывают нам, последствия потребления опиума и гашиша; ужасны знакомые нам последствия потребления алкоголя на отъявленных пьяницах; но без сравнения ужаснее последствия для всего общества того, считающегося безвредным, умеренного употребления водки, вина, пива и табака, которому предаётся большинство людей, а в особенности так называемые образованные классы нашего мира. Последствия эти должны быть ужасны, если признать то, чего нельзя не признать; что руководящая деятельность общества – деятельность политическая, служебная, научная, литературная, художественная – производится большей частью людьми, находящимися не в нормальном состоянии, людьми пьяными.

Обыкновенно предполагается, что человек, который употребляет алкогольные напитки при всяком принятии пищи, находится на другой день, в тот период времени, когда он работает, в совершенно нормальном и трезвом состоянии. Но это совершенно несправедливо. Человек, выпивший накануне бутылку вина, стакан водки или две кружки пива, находится в обычном состоянии похмелья или угнетения, следующего за возбуждением, и потому умственно подавленным состоянии, которое усиливается ещё курением. Для того чтобы человек, курящий и пьющий постоянно и умеренно, привёл мозг в нормальное состояние, ему нужно пробыть, по крайней мере, неделю или более без употребления вина и курения. Этого же почти никогда не бывает.

Так что большая часть всего того, что творится в нашем мире и людьми, управляющими другими и поучающими других, и людьми, управляемыми и поучаемыми, совершается не в трезвом состоянии.

И пусть не принимают это за шутку или преувеличение: безобразия и главное – бессмысленность нашей жизни происходят преимущественно от постоянного состояния опьянения, в которое приводит себя большинство людей. Разве возможно бы было, чтобы люди непьяные спокойно делали то, что делается в нашем мире: все европейские народы вот уже десятки лет заняты тем, чтобы придумывать наилучшие средства убийства людей и обучать убийству всех молодых людей, достигших зрелого возраста. Все знают, что нападений варваров никаких быть не может, что приготовления к убийству направлены христианскими цивилизованными народами друг на друга; все знают, что это тяжело, больно, неудобно, разорительно, безнравственно, безбожно и безумно, – и все готовятся к взаимному убийству: одни, придумывая политические комбинации о том, кто с кем в союзе и кого будет убивать; другие – начальствуя над приготовляющимися к убийству, и третьи – подчиняясь против воли, против совести, против разума этим приготовлениям к убийству. Разве трезвые люди могли бы это делать? Только пьяные, никогда не вытрезвляющиеся люди могут делать эти дела и жить в том ужасном противоречии жизни и совести, в котором не только в этом, но и во всех других отношениях живут люди нашего мира.

Никогда, мне кажется, люди не жили в таком очевидном противоречии между требованиями совести и поступками.

Человечество нашего времени точно зацепилось за что-то. Точно есть какая-то причина, мешающая встать ему в то положение, которое ему свойственно по его сознанию. И причина эта – если не одна, то главная – это то физическое состояние одурения, в которое вином и табаком приводит себя огромное большинство людей нашего мира.

Освобождение от этого страшного зла будет эпохой в жизни человечества, и эпоха эта обязательно настанет. Зло осознано. Изменение в сознании по отношению к употреблению одурманивающих веществ уже совершилось, люди поняли страшный вред их и начинают указывать его, и это незаметное изменение в сознании неизбежно повлечёт за собой освобождение людей от употребления одурманивающих веществ. Освобождение же людей от употребления таких веществ откроет им глаза на требования их сознания, и они станут проводить свою жизнь в согласии с совестью.

10 июня 1890 г.

Послесловие редакторов переиздания

В 1887 г. Толстой основал общество трезвости, дал ему название “Согласие против пьянства”, составил для него устав. Статья “Для чего люди одурманиваются?” была написана им как предисловие к книге врача П.С. Алексеева “О пьянстве” и помещена в 27 томе его полного 90-томного собрания сочинений. В настоящее время эта статья практически недоступна широкому читателю. Толстой как мыслитель глубок и содержателен в каждой своей работе, а мысли, высказанные им в данной статье, по-прежнему актуальны и значимы для нас. Дело в том, что проблем алкоголизма, наркомании, курения мы, несмотря на многочисленные попытки, не решили до сих пор. И не решим, если не увидим корень всех этих проблем. Поэтому взгляд Толстого на

курение, пьянство и всякое другое одурманивание человеком самого себя и других надо сделать более известным, особенно среди учителей школ и преподавателей вузов, которым и адресован, прежде всего, наш журнал “Наука, культура, образование”. Переиздание осуществлено с незначительными сокращениями и стилистическими правками, цель которых сделать главную мысль Толстого более прозрачной, не обременяя ее реалиями столетней давности.